

«Запорожцы двадцатого века»: остров Хортица, как историческое место в воспоминаниях участников Белого движения.

Опубликовано: Власов О. Ю. «Запорожцы двадцатого века»: острів Хортиця, як історичне місце, у спогадах учасників Білого руху // Музейний вісник. – Запоріжжя, 2018. – № 18. – С. 116-129.

С. 116.

В течение XIX – XX вв. остров Хортица приобрел статус одного из наиболее значимых исторических мест нашей страны, святыни украинского народа. Археологические открытия последних десятилетий заставили кардинально изменить устоявшееся представление о Хортице, которая теперь воспринимается не только как «место казацкой славы», но и мощный сакральный центр, истоки которого уходят в доисторические времена. При этом общего видения его прошлого у нас до сих пор нет [1]. Одним из белых пятен истории Хортицы еще не так давно был период революции и Первой освободительной борьбы 1917 – 1921 гг. В последние годы появился ряд научных работ, посвященных острову, как символу украинского национального движения. Однако, как справедливо заметил Ю. Ю. Завгородний, представление о восприятии Хортицы в указанный период не может быть полным без привлечения свидетельств других действующих лиц тех далеких событий, в частности воинов Белой армии [2, с. 14]. Предлагаемая статья имеет целью актуализировать имеющиеся в нашем распоряжении источники, содержащие эти сведения и освещают события осени 1920, когда в районе города Александровска происходили бои между Красной армией и Русской армией генерала П. Н. Врангеля.

С. 117.

В советские времена тема революции и Гражданской войны занимала центральное место в господствующей идеологии. Несмотря на это, освещению этой страницы истории Хортицы, пусть даже и в очень искаженном виде, уделялось крайне мало внимания. Примером этого могут служить научно-популярные издания

II пол. XX в. Так, в книге Н. П. Киценко (1972 г.) упоминания о событиях осени 1920 г. ограничиваются пометкой «Бои дивизии Федько с Врангелем (1920 г.)» на схеме «Исторические места» [3, с. 17]. Соответствующий том «Истории городов и сел Украинской ССР» (1981 г.) содержит беглое упоминание о боях с врангелевцами в Александровске и ни слова о боях на Хортице [4, с. 85]. То же видим в тексте путеводителя по расположенному на о. Хортица Музею истории Запорожья авторства Т. К. Шевченко и Т. Н. Голубковой (1985 г.) и тексте обзорной экскурсии по экспозиции упомянутого музея (1989 г.) [5, с. 20; 6, с. 10]. В конце горбачевской «перестройки» тема революции и Гражданской войны потеряла актуальность, как идеологически ангажированная. Очевидно, именно поэтому в обзоре истории Хортицы (1991 г.) Е. М. Апанович вообще обходит молчанием события 1918 – 1920 гг. [7, с. 291-334].

С обретением Украиной независимости указанный период привлекает пристальное внимание исследователей истории острова. В работах Ю. Ю. Завгороднего, М. А. Остапенко, В. А. Савченко, Ф. Г. Турченко, В. Д. Сарычева и Ю. И. Щура рассматриваются как события на Хортице, так и значение острова, как символа украинского национального движения [1, с. 272; 2; 8; 9, с. 226; 10, с. 9; 11; 12; 13, стр. 30-32]. А. В. Чайка уделяет внимание положению местного хозяйства в условиях Гражданской войны [14, с. 114-117]. Д. Р. Кобалия, в своей, к сожалению, неопубликованной работе, сообщает об археологических следах боев 1920 г., привлекая также фрагменты воспоминаний участника этих событий А. Г. Битенбиндера – начальника штаба Марковской дивизии Русской армии [15, с. 96-98]. Однако, воспоминания участников Белого движения в качестве источника по истории острова Хортицы, насколько нам известно, еще не становились предметом отдельного исследования.

Боям между Красной и Белой армиями на о. Хортице осенью 1920 предшествовала ожесточенная борьба различных политических сил и неоднократная смена власти в г. Александровске. После свержения монархии в феврале 1917 в городе началось украинское национально-культурное возрождение. На выборах в Александровскую городскую думу (июль), во Всероссийское (октябрь) и Украинское

Учредительное собрание (декабрь 1917) остро конкурировали между собой общероссийские, еврейские и украинские партии социалистического направления. Последние, не получив в самом городе большинства, все же продемонстрировали значительное влияние среди его населения, в условиях большевистского мятежа поддержавшего Центральную Раду и Украинскую Народную Республику. Спровоцировав 12 – 15 декабря 1917 г. первый вооруженный конфликт на улицах Александровска, большевики и их союзники одержали победу только 2 января 1918 г., после того, как из Петрограда и Москвы по железной дороге прибыли значительные силы российских красногвардейцев. Город оказался во власти «автономной» марионеточной Украинской Народной Республики Советов в составе РСФСР [10, с. 8-15].

После того, как в Бресте 18 февраля 1918 г. между УНР, Германией и Австро-Венгрией была подписана военная конвенция, немецкие, австро-венгерские и украинские войска начали освобождение страны от красных [16 с. 69-71]. 16 апреля 1918 ударом Крымской группы армии УНР под командованием полковника Петра С. 118.

Болбочана при поддержке австро-венгерского легиона УСС, большевики были выбиты из Александровска [13, с. 20]. Гетманский переворот в Киеве 29 апреля 1918, приход к власти гетмана П. П. Скоропадского и его дальнейшие действия были встречены на Запорожье в целом неодобрительно. Политика гетмана вызвала многочисленные восстания [17, с. 451-452]. 17 ноября 1918 восставшие в Александровске свергли гетманскую власть и восстановили УНР. Однако, вследствие развала армии надолго удержаться здесь украинской власти не удалось. Уже в декабре в районе Кичкасского моста велись бои между республиканцами и теми сторонниками гетмана, которые шли в Крым на соединение с войсками белого генерала А. И. Деникина [11, стр. 99-101]. В то же время на Хортице обосновался отряд «кошевого Новой Запорожской Сечи» Ефима Божко, который стремился воссоздать на острове старые казацкие обычаи и порядки. Однако, очень скоро Божко вынужден был покинуть Хортицу, не имея сил противостоять другому атаману – анархисту Н. И. Махно, союзнику красных [9, с. 226]. 26 января 1919 г.

соседний Александровск был захвачен махновцами и благодаря им попал под власть (сначала лишь номинально) подконтрольной Москве Украинской Социалистической Советской Республики [18, с. 76]. Однако, уже 10 июля остров Хортица оказался на линии фронта, когда на правом берегу Днепра стояли махновцы, а Александровск захватила Добровольческая армия Деникина [18, с. 310]. Впоследствии, когда деникинцы захватили Екатеринослав, махновцы отошли на запад, но уже скоро осуществили дерзкий рейд по тылам белых. На своем пути 5 октября они неожиданным наскоком овладели селом Хортица, Кичкасским мостом и Александровском [18, с. 352]. 11 ноября махновцы оставляют Александровск под ударами корпуса белого генерала Я. А. Слащева, остров опять оказывается на линии фронта [18, с. 376]. 29 декабря махновцы вновь занимают Александровск, а уже 30-го с севера сюда подходят красные войска [18, с. 407-417].

В начале весны 1920 г. под контролем белых остался только Крым. Там 20 марта генерал А. И. Деникин покинул должность Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России и 22 марта назначил на нее генерала барона П. Н. Врангеля. 28 апреля по приказу последнего реорганизованная Добровольческая Армия была переименована в Российскую армию. В конце мая она повела наступление на север. 20 июля передовые части Кубанской дивизии и Дроздовский полк белых овладели Александровском, однако уже 21 июля вынуждены были его оставить. 6 сентября Российская армия, а именно ее Марковская дивизия, снова заняла город. В 20-х числах месяца здесь сосредоточились Корниловская и Марковская дивизии. Вскоре они начали последнее большое наступление Белой армии на территории Украины – Заднепровскую операцию [19]. Именно с ее проведением связаны ожесточенные боевые действия на острове Хортица, запечатленные на страницах воспоминаний нескольких участников.

Проследить вкратце последовательность тех событий лучше всего помогут свидетельства В. Ю. Павлова (1895-1989) и А. Г. Битенбиндера (1886-1972). Первый на момент проведения Заднепровской операции имел чин подполковника Третьего Марковского полка, второй – полковника Марковской дивизии [20, с. 474, 476]. Итак,

после захвата Александровска белыми красные начали обстреливать город тяжелыми снарядами с Хортицы и высокого правого берега Днепра. Тем временем белые готовились к захвату острова. Ночью с 23 на 24 сентября батальон первого полка дивизии Маркова на рыбацких лодках переправился из села Вознесенка на Хортицу, выбил оттуда 19-й полк красных и занял небольшую часть острова. В течение следующего дня белые заняли всю южную половину острова. Следующие 2 – 3 дня белые отбивали контратаки красных и захватили всю Хортицу. С 29 сентября

С. 119.

переправа врангелевцев на остров осуществлялась с помощью пароходов и моторных лодок. До 4 октября инженерная рота Марковской дивизии соорудила временный мост через Новый Днепр, устроенный на козлах, баржах и понтонах. Остров был связан со штабом Марковской дивизии на левом берегу Днепра также телефоном и телеграфом [20, с. 365-366; 21, с. 290-292]. Как свидетельствует артиллерист третьей батареи Н. А. Прюц, проведенный на Хортице месяц, красные безуспешно наступали на остров значительными силами только один раз [22]. Тем временем белые готовились к наступлению. Марковской дивизии надлежало форсировать Старый Днепр по Бурвальдской переправе (то есть напротив правобережного села Бурвальде – О. В.), Корниловской – по Нижнехортицкой (напротив села Нижняя Хортица – О. В.). Броды разведывались с помощью местных жителей. Ночью 8 октября белые начали внезапную операцию по захвату плацдарма на правом берегу Старого Днепра. Марковцы быстро сломали сопротивление 19-го и 21-го полка красных, а Корниловцы, преодолев Нижнехортицкий брод всего за несколько минут, ворвались в колонию Нижняя Хортица. Далее развернулось наступление на колонию Розенталь (Канцеровка). К тому времени был уже готов временный мост через Старый Днепр [20, с. 367-369; 21, с. 297-298].

На правом берегу Днепра врангелевцам так и не удалось развить наступление. Уже утром 14 октября их части, отступая под ударами красных, вновь оказались у Бурвальдской переправы. После тяжелого боя мост, который находился здесь, был быстро разобран, а Нижнехортицкий – сожжен [20, с. 372-373]. Между тем красные

ворвались на Хортицу по северным бродам. Завязался бой, в результате которого противники смешались и красные стали отходить к Бурвальдскому броду. Здесь они неожиданно встретились с отсталыми частями врангелевцев, которые направлялись им навстречу по тому же броду. И только взаимное незнание обстановки теми и другими позволило им мирно разойтись в воде. 20 октября поступил приказ командования Белой армии отойти с Хортицы. Ночью с 20 на 21 октября части прошли по мосту и быстро начали его демонтаж. А уже 23 октября белые без боя оставили Александровск [21, с. 304-313].

Отметим, что уже в начале XX в. Хортица, где происходили описанные только что события, была широко известна в образованных кругах общества - как профессионалов-ученых и художников, так и обычных любителей истории, географии и литературы. Причем среди них были не только патриоты или симпатички Украины, но и откровенные шовинисты, воспринимавшие Украину исключительно, как колоритную часть империи. Своим сакральным статусом Хортица обязана прежде всего творчеству литераторов-романтиков I пол. XIX в. Известно, например, что на острове должна была разворачиваться часть событий так и не законченной трагедии поэта и драматурга А. С. Грибоедова, посвященной жизни князя Владимира Святославича [23, с. 113; 24, с. 458-459]. Популярный в те времена писатель Ф. Б. Булгарин в своем приключенческом романе «Димитрий Самозванец» (1830 г.) только упомянул Хортицу, фактически процитировав Г. Л. де Боплана [25, с. 194]. Н. В. Гоголь в повести «Тарас Бульба» (1835) разместил на острове Запорожскую Сечь [26]. Его произведение, в котором история искусно переплетена с романтическими стереотипами, сразу стало невероятно популярным и получило очень лестные отзывы литературных критиков. О «Тарасе Бульбе», коего начало достойно Вальтер Скотта», писал поэт А. С. Пушкин [27, с. 108]. Публицист В. Г. Белинский сравнивал повесть Гоголя с Гомеровской Илиадой [28, с. 347]. Новая, дополненная и цензурированная редакция повести (1842 г.), насквозь пропитанная промосковской идеологией, была встречена властями более благожелательно, чем первая [29, стр. 325-330]. Примером этого является тот факт, что произведение

входило в программу по литературе, преподававшуюся детям тогдашнего царя Николая Первого [30, с. 240].

Таким образом, Хортица обратила на себя пристальное внимание общественности, именно как место расположения изображенной Н. В. Гоголем Запорожской Сечи. Уже в 1844 году литературный критик Н. И. Надеждин говорит о ней, как о доказанном факте [31 с. 50]. Тезис о «Хортицкой Сечи» содержится в ряде более поздних известных произведений. Среди них – «Очерки Днепра» А. С. Афанасьева-Чужбинского (1861 г.), «Остров Хортица на Днестре» Я. П. Новицкого (1876 г.), «Число и порядок запорожских сечей» Д. И. Яворницкого (1884 г.) и др. [32, с. 185-189; 33, с. 87; 34, с. 591]. В кон. XIX в. остров и Сечь на нем уже упоминаются на страницах специальных путеводителей среди других достопримечательностей Нижнего Днестра [35, с. 205; 36, с. 136]. Тогда же состоялся первый в новой истории Хортицы акт иеротопии – создания священного места. 7 мая 1891 по распоряжению земского начальника Г. Т. Гаркушевского в окрестностях балки Музычиной, на месте воображаемой запорожской церкви, был установлен крест [37, с. 72].

Уже в те времена на остров в поисках творческого вдохновения отправлялись немало людей искусства. Среди них был и молодой писатель И. А. Бунин (1870 – 1953). По примеру своего литературного кумира Т. Г. Шевченко в середине июня 1896 г. он посетил Хортицу, изложив свои впечатления в рассказе «Казацким ходом»: «Я отправился на знаменитый «Остров св. Георгия» – Хортицу и долго блуждал по нем, отыскивая хоть каких-нибудь следов старой Сечи. Но остров был тих и пустынен... Только земляные валы, заросшие травой, говорили о том, что когда-то тут были воинские станы» [38, с. 437]. Заметим, что октябрьский большевистский переворот 1917 И. А. Бунин воспринял резко отрицательно, был сознательным антикоммунистом. Во время пребывания в Одессе (июнь 1918 – январь 1920) писатель участвовал в деятельности пропагандистского агентства ОСВАГ, основанного генералом А. И. Деникиным [39, с. 203].

До конца XIX в. архетип «Сечь на Хортице» прочно укоренился в общественном сознании. Остров, как центр казачества, «святыня борцов за

православную веру» приобрел особое значение для многих имперских патриотов. Последние десятилетия накануне Первой Мировой войны, как известно, характеризовались нарастанием в государстве герmanoфобских настроений, формированием образа «немца», как «этнического врага» [40, с. 21-24]. В этих условиях остров, которым тогда владели колонисты-меннониты, был превращен в символ «немецкого засилья». Популярный в шовинистических кругах публицист А. А. Палтов (Велицин) начинает свой труд с красноречивым названием «Немецкое завоевание на Юге России» (1890 г.) именно с описания менонитского села на Хортице [41, с. 144-152]. Идеи Велицина и ему подобных получили широкий отзыв. Свидетельством тому является переписка профессора Д. И. Яворницкого с редактором уральской газеты «Вестник казачьих войск» М. А. Бородиным в 1901-1902 гг. Последний выступил с инициативой выкупа острова у колонистов, правда тогда эта идея не возымела поддержки [42, с. 75-81]. Только во время войны, в 1916 г., местной власти Александровска удалось фактически отобрать Хортицу у ее владельцев. Из официальных документов Городской Управы становится ясно, что это событие немедленно получило огласку едва ли не по всей стране [14, с. 111].

Итак, как видим, остров, который в нач. XX в. уже воспринимался, как выдающееся историческое место, связанное с Запорожским казачеством, сообществом-носителем украинских демократических традиций, имел сакральный статус и для части представителей образованной имперской элиты. Этим, по нашему мнению, в значительной степени и объясняется то внимание, которое уделяли

С. 121.

Хортице в своих воспоминаниях офицеры Белой армии – сторонники «единой неделимой России».

Из доступных нам источников наиболее обширное описание острова содержит труд подполковника В. Ю. Павлова. В разделе с характерным названием «Запорожская Сечь» читаем: «Остров Хортица самый большой из островов на Днестре. Его длина до 10 верст, ширина 2 версты. Он находится на том рубеже Днестра, где река, вырвавшись из 80-верстного порожистого русла о многими

скалистыми маленькими островами, и пройдя через узкие каменные ворота, над которыми проходила жел. дорога, обретала, наконец, свое спокойное течение, делясь на многие рукава, протоки, между которыми находились известные днепровские плавни. Самый рубеж между каменной грядой, которую пересекал Днепр и начинавшимися к югу плавнями, проходил по острову, деля его почти на две равные половины, северную – возвышенную и южную – низменную. Северный конец острова – огромный каменный мыс, имеющий форму кресла, называемый «Креслом Екатерины». По преданию, на нем сидела и пила чай Екатерина II с князем Потемкиным, любясь красотой Днепра. Южная оконечность терялась в плавнях...

Остров обтекали два рукава: с восточной стороны – Новый Днепр, шириною до 150 шагов, глубокий и с быстрым течением; с западной – Старый Днепр, шириною шагов в сто, имевший пять бродов по грудь и один по пояс» [21, с. 290].

Совсем краткое описание острова дает поручик М. А. Критский: «Против города [Александровска – О. В.], по середине Днепра, тянется верст на десять остров Хортица, покрытый густым кустарником и лесом, и отделенный от правого берега Днепра неглубоким рукавом Речище, шириною в 400 – 500 шагов» [43, с. 198].

Приведенные фрагменты потребуют некоторых объяснений. В. Ю. Павлов вспоминает «узкие каменные ворота, над которыми проходила жел. дорога». Имеется в виду затопленное ныне Запорожским водохранилищем Кичкасское ущелье, ошибочно называемое также Волчьим Горлом. Здесь, в районе древней Кичкасской переправы, русло реки, стиснутое высокими скалами, сужалось до 171 м и своим крутым изгибом в восточном направлении создавало так называемый Кичкасский мыс или шпиль [44, с. 110-111]. В этом месте, примерно посередине между современным островом Сагайдачного и плотиной Днепрогэса, через Днепр был переброшен знаменитый Кичкасский мост Второй Екатерининской железной дороги, построенный в 1908 [45, с. 42-43].

«Огромный каменный мыс, имеющий форму кресла, называемый «Креслом Екатерины» – это имеющая сегодня вид острова скала, находящаяся между плотиной Днепрогэса и Хортицей. Кресло Екатерины, или, как называет его Д. И. Яворницкий, Диван, входит в группу скал Три Столба [46; 47, с. 45-46]. До строительства

Днепрогэса большую часть года они соединялись с Хортицей большой пещаной косой и воспринимались, как часть острова, что можно увидеть на нескольких планах и картах этого района Днепра, датированных сер. XIX - нач. XX в. [37, с. 8, 44-45; 48; 49, л. 1; 50, с. 214]. Вследствие задержания пещанных наносов построенной в 1932 г. плотиной и последующего резкого пропуска сквозь нее паводковых вод, коса была постепенно размывта. Уже на немецкой топографической карте 1943 г. она отсутствует [51].

Упомянутое В. Ю. Павловым предание о Екатерине II и князя Г. А. Потемкина могло появиться во II пол. XIX в. Д. И. Яворницкий в 1888 объясняет, что основой для него стало пребывание императрицы в правобережном селе Хортица в мае 1787 г., во время путешествия в Крым. Исследователь при этом отмечает, что

С. 122.

предания связывают с именем Екатерины II почти любую более или менее выдающуюся скалу [50, с. 138].

Следует отметить, что указав ширину Нового Днепра в 150 шагов, а Старого Днепра – в 100 шагов, в своих воспоминаниях В. Ю. Павлов значительно уменьшил действительные показатели, что не должно удивлять, учитывая жанр произведения. Н. А. Критский указал ширину Старого Днепра более точно, но преувеличил, добавив, что остров покрыт густым кустарником и лесом. Сегодня, в нач. XXI в., наименьшая ширина Нового Днепра равна ок. 230 м, а наименьшая ширина Старого Днепра – ок. 125 м [46]. Впрочем, надо учесть, что 1920 – 1921 гг. отличались одним из наименьших показателей годового стока Днепра за все время наблюдений. Лето и осень 1920 были очень засушливы, количество осадков за октябрь-ноябрь в районе Киева было в четыре раза меньше средних многолетних показателей в эти месяцы. Сток возле с. Лоцманская Каменка южнее Екатеринослава за летне-осенний период 1920 г. составлял только половину нормы [52, с. 52]. Все это не могло не повлиять на ширину и глубину Днепра. В нашем распоряжении пока нет плана реки, датированного именно началом 1920-х гг. Некоторое представление о топографии Днепра в районе Хортицы на момент боев между Белой и Красной армиями может дать план из материалов Днепровского Строительства, составленный по данным

детальных съемок 1917 – 24 гг. На нем в русле Днепра видим довольно значительные песчаные массивы, смытые в последующее время. На севере острова это коса от Трех Столбов. Вдоль плавневой части Хортицы на Новом Днепре расположены три песчаных острова и большая, соединенная с Хортицей, удлиненная коса. В районе устья р. Средняя Хортица на Старом Днепре показана коса, соединенная с правым берегом реки на месте о. Корнетовский [53].

Достаточно интересно упоминание В. Ю. Павлова о «пяти бродах по грудь и один по пояс» в Старом Днепре. Один из них, Бурвальдский, автор описывает так: «Брод? Ясно виден – песчаный, глубиной по пояс, но только в своей наиболее мелкой части; влево он круто обрывается, и вода совершенно темная; вправо глубина увеличивается постепенно; течение быстрое» [21, с. 296]. Эти слова дополняются показаниями полковника А. Г. Битенбиндера: «Со слов жителей, Бурвальдский брод был глубиной по пояс, длиной – 200 – 300 шагов, а шириной 80 – 100 шагов... Хортица в средней своей части имеет ряд высот, довольно круто опускающихся к реке Речице [правильно – Речище, тобто Старий Дніпро – О. В.] (к Бурвальдской переправе). У подножия этих высот и вдоль самого берега реки были небольшие рощи и кусты, которые только отчасти могли замаскировать расположение частей, но никак не укрыть их от огня противника. Берег противника командовал, имел много складок, удобных для укрытия расположенных частей, местами порос лесом и вообще был очень удобен для обороны...» [20, с. 367]. Отметим, что доступные в нашем распоряжении картографические материалы, в частности подробный «План дачи колонии Хортицы...» 1867, позволяют локализовать только Нжньохортицкий и Бурвальдский броды (куда подходят показанные на плане грунтовые дороги) и паромную переправу ниже скалы Наумовой [48]. Ни расположение остальных бродов, ни упоминания о них в других доступных автору источниках не известны.

В воспоминаниях В. Ю. Павлова отразилось понимание автором и местными обывателями исторического значения Хортицы: «Лет двести тому назад на Хортице

находилась знаменитая «Запорожская Сечь». Следы ее уцелели до 1920 г. На возвышенной части сохранились фундаменты церкви и зданий, вал, окружавший

С. 123.

центр Сечи, могилы-курганы среди небольшого соснового леса. На этой части острова находилась лишь небольшая, с десятков дворов, немецкая колония, приютившаяся на уступе скалы.

Много интересного рассказали марковцам местные уроженцы, которые, будучи учениками, совершали экскурсии на остров, производили там раскопки и составляли свои училищные музеи. Они говорили, что Сечь базировалась на восточный берег Днепра, где на месте села Вознесенского в то время был торговый поселок. Расположение его на возвышенности, окруженной с двух сторон течением Днепра и с двух – глубокими балками, одна из них «Гадючья», и кроме того, защищенного глиняной стеной, обеспечивало связь запорожцев с внешним миром» [21, с. 290].

Следы древних фортификационных сооружений на поверхности земли в северной части острова, как известно, являются остатками Хортицкого ретраншаментов времен Русско-турецкой войны 1735-39 гг. и к Сечи отношения не имеют [37, с. 20]. Однако, их происхождение не было известно даже А. С. Афанасьеву-Чужбинскому, который посвятил Хортице часть своего серьезного исследования: «Вся эта часть острова – писал он в 1858 г. – перерезана по всей ширине рвами, соединяющими земляные укрепления самого примитивного строения, которые *безошибочно* (выделено О. В.) можно считать следами поселения бессемейного товарищества» [32, с. 186]. Что касается упомянутых В. Ю. Павловым «фундаментов церкви», имеется в виду, вероятно, лишь памятный крест, установленный на месте предполагаемого храма в 1891, о котором Я. П. Новицкий отметил: «Ознаменовать памятниками исторические места, мысль заслуживает глубокого уважения, но вникая в смысл надписи (на памятном кресте – О. В.), призадумываешься: с какого источника почерпнуты сведения о Гаркушевском (Гаркушевского – О. В.)?» [37, с. 72-74]. Можем добавить, что так же неизвестно, откуда местные жители взяли сведения об укрепленном глиняной стеной торговом поселке Сечи на месте села Вознесенка. Впрочем, это коллективное

мифотворчество было вполне в духе некоторых популярных изданий того времени. Так, путеводитель Н. Лендера 1892 сообщает: «Это – остров Хортица, бывший главным местопребыванием Запорожской сечи. Он имеет некоторые остатки старины: запорожское кладбище с памятниками, подземный ход, атаманский камень, скалу Сирка...» [36, с. 136]. Даже статья «Хортица» в таком уважаемом, фундаментальном издании, как многотомный энциклопедический словарь Брокгауза-Ефрона, удивляет большим количеством грубых фактических ошибок: «...в 1630 г. запорожцами с атаманом Конашевичем-Сагайдачным основана здесь первая «Сечь», просуществовавшая до 1738 г; русские войска при Потемкине устраивали здесь «великий ретраншмент» [54, с. 580].

Учитывая современные представления о Белом движении, довольно неожиданным является тот факт, что, находясь рядом с Хортицей и на самом острове, воины Российской армии генерала П. Н. Врангеля отождествляли себя с запорожскими казаками. Интересное свидетельство оставил командующий Дроздовской дивизии генерал-майор А. В. Туркул (1892 – 1957). В конце лета и осенью 1920 вверенные ему войска занимали значительный участок фронта восточнее Днепра. Главный штаб дивизии располагался в большом селе Новогупаловка, на железной дороге Александровск-Синельниково. Вероятно, учитывая близость Хортицы, свою укрепленную «стоянку» дроздовцы называли «Запорожская Сечь» [55, с. 204]. Заметим, что в отличие от других соединений Белой армии, большинство которых политически ориентировались на созыв Учредительного собрания, Дроздовская дивизия в политическом плане была четко монархической. Здесь с конца 1917 г. действовала тайная монархическая

С. 124.

организация, которой было охвачено около 90% воинов [56, с. 51-52].

В. Ю. Павлов, которому пришлось воевать непосредственно на острове, писал: «Запорожская Сечь была почти недоступна в те далекие времена и ее история – целая легенда. Теперь наступили новые времена с невероятной для того времени техникой, когда неуязвимость старой Сечи отпала совершенно. Новым «Запорожцам», как стали называть себя Марковцы, пришлось вести

борьбу на старых местах новыми средствами, и такие же новые средства испытать на себе...

«Запорожцы 20 века» сравнивали свое положение с прежними запорожцами, и, конечно, не в свою пользу. Пусть те тоже питались из общего котла, но у них было вино. А теперь? Можно было сколько угодно набрать ковшей для вина из черепов врагов, но увы! – нет вина. А как бы оно согрело и развеселило. Немного отвлекло от тяжелой обстановки влитое в роты пополнение. «Уже в ротах по 40 – 45 штыков. Приличные роты. Можно воевать!» – записал на острове один из командиров» [21, с. 290-293].

Впрочем, были и такие, у кого Хортица вызвала грустные ассоциации, связанные с предчувствием конца Белого движения. Так, Н. А. Прюц писал: «Овеянный легендами остров. Поэзия в прозе. Запорожская Сечь. Осень 1920 года. Война на юге России.

Та же Хортица. Пустынный, холодный, бездушный, мертвый остров. Суровая проза без поэзии» [22].

Достаточно неожиданным в контексте нашего исследования является фигура уроженца Александровска Г. М. Гордиенко (1902-1982) – украинского патриота, сторонника УНР и бывшего участника повстанческих отрядов. Как известно, под давлением обстоятельств генерал П. Н. Врангель вынужден был пойти на значительные уступки в национальном вопросе и искать союза с правительством УНР в борьбе против красных [57, с. 62]. В сентябре 1920 г.. В составе Русской Армии был создан Хортицкий куринь Екатеринославского повстанческого коша «Освобождение Украины», который под сине-желтым флагом участвовал в боях на переправе через Днепр в районе с. Беленькое. В этом подразделении пришлось воевать молодому Г. М. Гордиенко. Для нас интересен тот фрагмент его мемуаров, где описывается пребывание членов александровского молодежного объединения «Юнацька Громада» на о. Хортице 1 мая 1920 г. Хотя это событие произошло до момента вступления Гордиенко в ряды Белой армии, все же оно показывает понимание автором исторического значения Хортицы: «Экскурсия на Хортицу нам удалась... Кроме развлечений мы еще и вспоминали историческое прошлое той

территории, на которой мы в тот день находились! Посетили мы рвы и валы, о которых я до сих пор не уверен, или они казацкие, или российского войска. Но крест еще стоял, который в 1918 году поставили воины и старшины Запорожского Корпуса под руководством полковника Болбочана, о чем и напоминала памятная надпись на кресте...

Одна только тень упала на наш тогда такой солнечный день: в те же часы на острове появилась какая-то советская военная часть, как бы не курсанты, ибо были хорошо одеты, хорошо вели себя и слушали какие-то указания своих командиров...

Встреча с ними нам была мила! Мы восприняли просто профанацией нашей святой исторической земли, которой мы считали территорию острова Хортицы, то что ее топчут какие-то лапотники, так как речь солдат была настоящая московская, из далеких глухих углов «необъятной родины» [58, с. 223].

В приведенном фрагменте отдельного объяснения требует упоминание Г. М. Гордиенко креста с памятной надписью. Как свидетельствует С. Шемет, автор заметок о полковнике П. Ф. Болбочане, этот крест был установлен перед

С. 125.

проведением торжественной панихиды по погибшим за свободу Украины, которая состоялась 29 июня 1918 [59, с. 209]. По словам сотника армии УНР Н. Авраменко, крест стоял «на самом высоком месте в голове острова», точнее – в его северо-западной части [60, с. 238]. Проведение выше упомянутой панихиды красноречиво свидетельствует о признании Хортицы, как одного из символов украинского национального движения. В наше время это мероприятие считается своеобразным прологом к акту Объединения УНР и ЗУНР 22 января 1919 [2, с. 11].

Таким образом, приведенные выше фрагменты воспоминаний участников Белого движения с упоминаниями Хортицы, на наш взгляд, являются не только ценным источником по истории острова эпохи Революции и Гражданской войны (Первой освободительной борьбы). Авторами этих произведений, как видим, являются люди совершенно разных политических убеждений: сторонники Российской Республики, монархии и независимой Украины. Несмотря на все разногласия, осенью 1920 они объединились в последней неудачной попытке

протистоять, як показало будуще, найбільш преступному и кровавому режиму. Як люди образованні и убеженні в правоті своєї боротьби, оказавшись на Хортиці, они отождествили себя с запорожцями – сообществом, которое они считали олицетворением идеалов добра и справедливости. Хортица же, как остров легендарной Сечи и место последних победоносных боев, последней надежды, имела для многих из них такой же сакральный статус, как и для тех, кто воевал за свободу Украины. А вот имел ли остров на тот момент хоть какое-то символическое значение для других участников тех кровавых событий – красных и анархистов – нам пока не известно.

Библиография

1. Завгородній Ю. Ю., Остапенко М. А. Сакральний вимір острова Хортиця (до постановки питання) / Ю. Ю. Завгородній, М. А. Остапенко // Культурологічні студії. – К. : КМ Academia, 1999. – Вип. 2. – С. 247 – 275.
2. Завгородній Ю. Ю. Острів Хортиця, як національна святиня, під час національно-визвольних змагань 1917 – 1921 років / Ю. Ю. Завгородній // Кілька епізодів з новітньої історії острова Хортиця (1917 – 1961 роки). – Запоріжжя : ТОВ «С-принт», 2017. – С. 6 – 16.
3. Киценко М. П. Хортиця в героїці і легендах / М. П. Киценко. – Дніпропетровськ : Промінь, 1972. – 148 с.
4. История городов и сел Украинской ССР. Запорожская область. – К. : Институт истории АН УССР, 1981. – 728 с.
5. Шевченко Т. К., Голубкова Т. М. Музей истории Запорожья. Путеводитель / Т. К. Шевченко, Т. М. Голубкова. – Днепропетровск : «Промінь», 1985. – 40 с.
6. Текст оглядової екскурсії по експозиції Музею історії Запоріжжя. – Запоріжжя : Державний історико-культурний заповідник на острові Хортиці, 1989. – 17 с. НА НЗХ № 622.

7. Апанович О. М. Розповіді про запорозьких козаків / О. М. Апанович. – К. : Дніпро, 1991. – 336 с.

8. Завгородній Ю. Ю. Острів Хортиця, як національна святиня під час Національно-Визвольних змагань 1917 – 1921 років / Ю. Ю. Завгородній // Заповідна Хортиця. – Запоріжжя : Кругозір, 2016. – С. 108 – 114.

9. Савченко В. А. Авантюристы гражданской войны: историческое расследование / В. А. Савченко. – Харьков : Фолио; М. : ООО «Издательство АСТ», 2000. – 368 с.

С. 126.

10. Турченко Г. Ф. Запорізький край за доби Центральної Ради / Г. Ф. Турченко // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. – Запоріжжя : ЗНУ, 2009. – Вип. XXV. – С. 7 – 21.

11. Саричев В. Д. Хортицький полк 1918 – 1920 рр. (до історії однієї знахідки) / В. Д. Саричев // Заповідна Хортиця. – Запоріжжя, 2011. – С. 99 – 101.

12. Щур Ю. «Народний дім» в історії боротьби за український Олександрівськ (1917 – 1918 рр.) [Електрон-ний ресурс]. – Режим доступу: <http://slovoprosvity.org/2016/09/22/narodnij-dim-v-istori%D1%97-borotbi-za-ukra%D1%97nskij-oleksandrivsk-1917-1918-rr/>.

13. Щур Ю. Запоріжжя й запорожці у боротьбі за незалежність України: героїчне ХХ сторіччя / Ю. Щур. – Запоріжжя : ФОП Москвін А. А., 2016. – 276 с.

14. Чайка О. В. Принятие законов о ликвидации немецкого землевладения в России в 1915 году и его последствия для острова Хортицы / О. В. Чайка // Музейний вісник. – 2008. – Вип. 8. – С. 105 – 118.

15. Кобаля Д. Р. Тропами Новицького. Исторический путеводитель по Хортице (Рукопись) / Д. Р. Кобаля. – Запорожье, 2011. – 111 с.

16. Савченко В. А. Дванадцять війн за Україну / В. А. Савченко. –

Харьков : Фолио, 2008. – 415 с.

17. Турченко Г. Ф. Скоропадський Павло Петрович / Г. Ф. Турченко // Українське козацтво. Мала енциклопедія. – Київ : Генеза. – Запоріжжя : Прем'єр, 2002. – С. 451 – 452.

18. Белаш А. В., Белаш В. Ф. Дороги Нестора Махно (Историческое повествование) / А. В. Белаш, В. Ф. Белаш. – Киев : РВЦ «Проза», 1993. – 592 с.

19. Врангель П. Н. Записки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: militera.lib.ru/memo/russian/vrangel/11.html.

20. Марков и марковцы. – Москва : НП «Посев», 2001. – 552 с.

21. Павлов В. Е. Марковцы в боях и походах за Россию в Освободительной войне 1917-1920 годов / В. Е. Павлов. – Париж : типография Сергея Березняка, 1964. – Книга вторая. 1919 – 1920 г.г. – 397 с.

22. Прюц Н. Остров Хортица / Н. А. Прюц // Первопоходник, 1972. – № 9 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.Pervopohodnik.ru/publ/1-1-0-6.

23. А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников / Вступ. ст., сост. и подгот. текста С. А. Фомичева; Комент. П. С. Краснова, С. А. Фомичева. – Москва : Художественная литература, 1980. – 448 с.

23. Грибоедов А. С. Сочинения / А. С. Грибоедов. – Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1953. – 772 с.

25. Булгарин Ф. Б. Димитрий Самозванец. – Вологда : ПФ «Полиграфист», 1994. – Т. 1. – 239 с.

26. Гоголь Н. В. Тарас Бульба. (Редакция 1835 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://az.lib.ru/g/gogolxnw/text0380.shtml>.

27. Пушкин А. С. Собрание сочинений в десяти томах / А. С. Пушкин. – Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1962. – Т. 6 (Критика и публицистика). – 590 с.

28. Н. В. Гоголь в воспоминаниях современников. – Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1952. – 718 с.

29. Кралюк П. Козацька міфологія України: творці та епігони / П. Кралюк. – Харків : Фоліо, 2016. – 394 с.

С. 127.

30. Гиппиус В. В. Гоголь. Воспоминания. Письма. Дневники / В. В. Гиппиус. – Москва : Директ-Медиа, 2014. – 439 с.

31. Надеждин Н. И. Геродотова Скифия, объясненная через сличение с местностями / Н. И. Надеждин // ЗООИД, 1844. – № 1. – С. 3 – 114.

32. Афанасьев-Чужбинский О. С. Нариси Дніпра / О. С. Афанасьев-Чужбинський. – Львів : Априорі, 2016. – 544 с.

33. Новицкий Я. П. Остров Хортица на Днепре / Я. П. Новицкий // Новицкий Яків. Острів Хортиця на Дніпрі, його природа, історія та старожитності (за рукописом 1917 р.). – Запоріжжя : Тандем-У, 2005. – С. 87 – 94.

34. Эварницкий Д. И. Число и порядок Запорожских Сечей / Д. И. Эварницкий // Киевская старина. – Киев : Типография Г. Т. Корчак-Новицкого, 1884. – Т. VIII. – С. 589 – 608.

35. Каргапольцев И. Н. Путеводитель по Днепру и его порогам / И. Н. Каргапольцев. – Екатеринослав : тип. Н. Я. Павловского, 1888. – 367 с.

36. Путник (Н. Лендер). Босфор и Константинополь. Анатолийское побережье. – По русскому югу. Очерки и картинки с картою Черного моря. – С.-Петербург : Типография А. С. Суворина, 1892. – 244 с.

37. Новицкий Я. П. Острів Хортиця на Дніпрі, його природа, історія та старожитності (за рукописом 1917 р.). – Запоріжжя : Тандем-У, 2005. – 120 с.

38. Бунин И. А. «Казацким ходом» / И. А. Бунин // И. А. Бунин. Собрание сочинений. Т. 2. Произведения 1887-1909 гг. – Москва : Художественная литература, 1965. – С. 426 – 437.

39. Михайлов О. Н. И. А. Бунин. Жизнь и творчество: Литературно-исторический очерк / О. Н. Михайлов. – Тула : Приокское книжное издательство, 1987. – 319 с.

40. Бобылева С. И. Общественное мнение России конца XVIII – начала XX в. о российском немце / С. И. Бобылева // Вопросы германской истории. – 2004. – № 3. – С. 5 – 34.

41. Велицын А. Немецкое завоевание на Юге Росии / А. А. Велицын // Русский вестник. – С.-Петербург : Типография товарищества «Общественная польза», 1890. – Т. 206. – С. 142 – 299.

42. Епістолярна спадщина академіка Д. І. Яворницького. – Дніпропетровськ : АРТ-ПРЕС, 2012. – Вип. 6. Листи друзів, приятелів і знайомих до Д. І. Яворницького. – 848 с.

43. Критский М. А. Корниловский ударный полк / М. А. Критский. – Париж, 1938. – 233 с.

44. Свіренко Д. О. Дніпровське водосховище (гідробіологічне дослідження) / Д. О. Свіренко. – Дніпропетровськ, 1938. – Т. I. – 210 с.

45. Шиханов Р. Ленінський район міста Запоріжжя (1928-2008 роки): становлення та розвиток місцевих органів влади / Р. Шиханов. – Запоріжжя : АА Тандем, 2008. – 384 с.

46. Вікімапія [Електрон-ний ресурс]. – Режим доступу: wikimapia.org/#lang=en&lat=47.853184&lon=35.064411&z=15&m=w

47. Дмитро Яворницький. Твори у 20 томах. – Запоріжжя : Тандем-У, 2005. – Т. 2 – 384 с.

48. ДАЗО, ф. 264.

49. Подробные планы участка реки Днепра от Александровска до Лимана. Составлено по исследованиям Днепровской опосной партии, произведенным в 1881 году под руководством Полковника Поликарпова. – Спб. : Издание Министерства путей сообщения. Картографическое заведение А. Ильина,

50. Яворницький Д. І. Запорожжя в залишках старовини і переказах народу / Д. І. Яворницький. – Дніпропетровськ : «Арт-Прес», 2005. – Ч. І. – 264 с.

51. Truppenkarte. Kartenblatt L-36-11-A (Kitschkass). Masstab 1:50000. – Ausgabe VI.43 [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://io.ua/16345853p>.

52. Швець Г. И. Многовековая изменчивость стока Днепра / Г. И. Швець. – Ленинград : Гидрометеиздат, 1978. – 83 с.

53. План порожистої частини р. Дніпра, складений за даними детальних с'ємок 1917-18-19-22-24 рр. (1:50000) // Александров И. Г. Проект. – Москва : ВСНХ СРСР, Главэлектро, Государственное Днепропетровское Строительство, 1929. – Т. 1 (Приложения: альбом карт и планов).

54. Хортица // Энциклопедический словарь. – С.-Петербург : Типография Акц. Общ. Брокгауз-Ефрон, 1908. – Т. XXXVII-A (Ходский – Цензура). – С. 580.

55. Туркул А. В. Дроздовцы в огне / А. В. Туркул // Белая Россия : Сборник произведений / Сост. и предисловие Н. Старикова. – СПб. : Питер, 2014. – С. 9 – 225.

56. Гакгуев Р. Г. Последний рыцарь / Р. Г. Гакгуев // Дроздовский и дроздовцы. – Москва : Посев, 2006. – С. 11 – 125.

57. Турченко Г. Ф. Національна політика генерала Врангеля у південноукраїнському регіоні / Г. Ф. Турченко // Культурологічний вісник Нижньої Наддніпряни, 2005. – Вип. 14. – С. 49 – 64.

58. Гордієнко Г. Під щитом Марса (Спогади) / Г. М. Гордієнко. – Філадельфія : Накладом автора, 1976. – Т. 1. – 369 с.

59. С. Шемет. Полковник Петро Болбочан: замітки до історії

Запорожського корпусу 1917 – 1919 рр. / С. М. Шемет // Хліборобська Україна. – Відень : Видання Українського Союзу Хліборобів-Державників, 1922 – 1923. – Кн. Четверта. Зб. VII – VIII. – С. 200 – 236.

60. Авраменко Н. Спомин запорожця / Н. А. Авраменко. – Київ : Темпора, 2007. – 456 с.